

*Перепечатки и переводы воспрещаются.
Все права сохранены.*

О Толстомъ

Я почти весь вѣкъ прожилъ въ страстной любви къ нему и имѣлъ великое счастье нѣсколько разъ видѣть его.

Чеховъ однажды сказалъ мнѣ:

— Вотъ умереть Толстой, и все къ чорту пойдетъ.

— Литература? — спросилъ я.

— И литература, — отвѣтилъ онъ.

Это было въ Крыму. Онъ ѣздилъ въ этотъ день въ Гаспру, къ выздоравливающему послѣ тифа Толстому. Собираясь, онъ не разъ говорилъ:

— Ужасно боюсь ѣхать. Никого не боюсь, а его боюсь. Вѣдь вы только подумайте, это онъ написалъ, что Анна сама видѣла, какъ у нея блестятъ глаза въ темнотѣ!

И чуть не часть рѣшалъ, въ какихъ штанахъ ѣхать. Одѣваясь, сбросилъ пенснэ, помолодѣлъ отъ возбужденія и, мѣшая, по своему обыкновенію, серьезное съ шуткой, все выходилъ изъ спальни то въ однихъ, то въ другихъ штанахъ:

— Нѣтъ, эти неприлично узки! — говорилъ онъ. — Подумаетъ — шелкоперъ, Чехонте . . .

И шелъ надѣвать другія и опять выходилъ, смѣясь:

— Нѣтъ! А эти—шириной съ Черное море. Подумаетъ — нахаль . . .

Возвратился онъ изъ Гаспры еще болѣе возбужденный и рассказывалъ, помирая со смѣху:

— Чудесный, изумительный старикъ! Я долго сидѣлъ возлѣ его постели, онъ долго говорилъ то о томъ, то о другомъ, и обо мнѣ между прочимъ. Наконецъ я встаю, прощаюсь, а онъ задерживаетъ мою руку, неожиданно гово-

рить: «Поцѣлуйте меня» и, поцѣловавъ, вдругъ быстро суется къ моему уху и такою энергичной старческой скороговоркой: «А все таки пьессъ вашихъ я терпѣть не могу! Шекспиръ скверно писалъ, а вы еще хуже!»

А вечеромъ онъ сказалъ, грустно и сурово:

-- Вотъ умереть Толстой, и все къ чорту пойдетъ . . . Вы его знаете больше меня, — запишите же это, непременно. Вѣдь подумайте, какъ мы завидуемъ людямъ, которые видѣли живого Пушкина!

Когда я узналъ о существованіи Толстого? Во всякомъ случаѣ довольно рано. Ребенкомъ я уже имѣлъ нѣкоторое представленіе о немъ, но не изъ чтенія его книгъ, а по разговорамъ у насъ въ домѣ. Между прочимъ, помню, что отецъ нерѣдко смѣялся, рассказывая, какъ читаютъ «Войну и Миръ» наши нѣкоторые сосѣди помѣщики: одинъ читаетъ только «Войну», а другой только «Миръ», то есть одинъ, читая, пропускаетъ все, что касается войны, а другой — наоборотъ. И чувства къ Толстому были у меня тогда уже не простыя. Отецъ имѣлъ много страстей и недостатковъ, — былъ нерадивый хозяинъ, былъ расточителемъ, пилъ, игралъ, пропадалъ на охотѣ, — и порою оправдывалъ себя тѣмъ, что ссылался на Пушкина, на Тургенева:

— Одинъ Богъ безъ грѣха, — говорилъ онъ. — Вотъ Пушкинъ безъ бутылки шампанскаго ни одной строки не могъ написать и вообще былъ ужаснѣйшій б о к у т и р ъ, картежникъ, дуэлистъ, вспыльчивъ, какъ порохъ, нашего, однимъ словомъ, поля ягода . . .

Или:

— А Тургеневъ какой такой хозяинъ? Мѣсяцами пропадаетъ на охотѣ да по Парижамъ летаетъ. Да я-то хоть по крайней мѣрѣ отлично понимаю, что такое хозяйство, а онъ въ немъ ни бельмеса не смыслить . . .

Говорилъ онъ и о Толстомъ:

— Я его немного зналъ, — говорилъ онъ небрежно. — Во время севастопольской кампаніи встрѣчалъ . . . Тоже хорошъ! Колоды картъ видѣть спокойно не могъ!

И помню, я смотрѣлъ на отца съ завистью и уваженіемъ: живого Толстого видѣлъ!

Откуда были у меня такія чувства къ человѣку, котораго я еще ни строки не прочелъ? Но съ меня было довольно уже того, что онъ писатель. Съ самаго дѣтства писатели были для меня существами какого-то совсѣмъ особаго рода, къ которымъ я невольно, безсознательно испытывалъ какое-то особое обожаніе, какой-то восторгъ, восхищеніе, какое - то непередаваемое чувство, котораго я и до сихъ поръ не умѣю понять, болѣе или менѣе толково опредѣлить, какъ не умѣю сказать, какъ, когда и почему я самъ сталъ писателемъ. Отвѣтить на это для меня такъ же невозможно, какъ на то, съ какихъ поръ и какъ вообще я сталъ тѣмъ, что я есть. Когда-же (какъ-то само собою) рѣшилось, что мнѣ надлежитъ быть только писателемъ, моей второй жизнью стала жизнь въ томъ мірѣ, гдѣ поэты, писатели, гдѣ выдумываютъ и пишутъ. Но опять не помню, когда именно началъ я читать Толстого и какъ случилось, что я выдѣлялъ его изъ всѣхъ прочихъ. Бываетъ, что человѣкъ открываетъ что-нибудь прекрасное и дорогое для него внезапно, съ изумленіемъ. Этого со мною по отношенію къ Толстому не было, такой минуты я не помню. Вообще все то прекрасное, что я встрѣчалъ въ дѣтствѣ, отрочествѣ, молодости, кажется, никогда не удивляло меня, — напротивъ, у меня было такое чувство, точно я зналъ его уже давно, такъ что мнѣ оставалось только радоваться встрѣчѣ съ нимъ. Такова была, на примѣръ, моя первая встрѣча съ горами, съ моремъ: первый взглядъ на великолѣпно-синой, дышавшій свѣжими утренними парами морской заливъ, внезапно ударившій мнѣ въ глаза передъ Севастополемъ, въ окно вагона, захватилъ, помню, всю мою душу, потрясъ меня истинной и высокой радостью. Но радость эта ничуть не была смѣшана съ изумленіемъ, — это, повторяю, была только радость встрѣчи съ чѣмъ-то давно знакомымъ и любимымъ, съ частью моего собственнаго

существа и существованія. И такъ-же встрѣтился я и съ произведеніями Толстого, при первомъ чтеніи ихъ.

А затѣмъ долгіе годы я былъ по настоящему влюбленъ въ него, влюбленъ чуть не въ каждую его строку и въ него самого, въ тотъ мной созданный образъ, который томилъ меня мечтой увидѣть его на яву. Мечта эта была неотступная, мучительная, но какъ я могъ тогда осуществить ее? Поѣхать въ Ясную Поляну? Сказать Толстому, что я прошу его позволить мнѣ хотя бы только взглянуть на него? Но съ какой стати, съ какими глазами могъ явиться я туда, никому невѣдомый, застѣнчивый мальчикъ? Разъ я не выдержалъ: въ одинъ прекрасный, дѣйствительно прекрасный лѣтній день внезапно осѣдлалъ своего верхового киргиза и закатился по хлѣбамъ, по межамъ, по проселочнымъ дорогамъ на Ефремовъ, въ сторону Ясной Поляны, до которой отъ насъ было не больше ста верстъ. Но доскакавъ до Ефремова, струсилъ, рѣшилъ обдумать дѣло серьезнѣе, переночевать въ Ефремовѣ — и всю ночь не могъ заснуть отъ волненія, отъ поминутной смѣны рѣшеній, ѣхать или не ѣхать, скитался всю ночь по городу и такъ усталъ, что, зайдя на разсвѣтѣ въ городской садъ, мертвымъ сномъ заснулъ на первой попавшейся скамейкѣ, а проснувшись, и совсѣмъ протрезвился, подумалъ еще немного — и грустно побрелъ на постоянный дворъ за киргизомъ, да и полпелся неспѣшной рысцой домой, гдѣ работники сказали мнѣ:

— Эхъ, барчукъ, барчукъ, и какъ только ухитрились вы такъ обработать киргиза за однѣ сутки! За кѣмъ это вы гонялись? Въ какой такой предметъ влюбились? А вѣдь, вѣрнѣе всего, и не добились ничего . . .

Да, я тогда ничего не добился и напрасно ждалъ послѣ того встрѣчи съ Толстымъ еще нѣсколько лѣтъ.

Къ той порѣ, плѣненный юношескими мечтами о чистой, здоровой и доброй жизни среди природы, собственными трудами, въ простой и легкой одеждѣ, въ братской дружбѣ не только со всѣми бѣдными и угнетенными людьми, но и

со всѣмъ растительнымъ и животнымъ міромъ, главное же опять таки отъ влюбленности въ Толстого, какъ художника, я сталъ толстовцемъ, — конечно, не безъ тайной корыстной надежды, что это дастъ мнѣ, наконецъ, нѣкоторое, уже какъ бы нѣсколько законное право увидеть его и даже, можетъ быть, войти въ число людей, приближенныхъ къ нему. И вотъ начались мои испытанія, мой искусь, мое толстовское послушаніе.

Я жилъ тогда въ Полтавѣ, гдѣ почему-то оказалось не мало толстовцевъ, съ которыми я вскорѣ и сблизился. Въ общемъ это былъ совершенно несносный народъ; но я терпѣлъ. Первый кого я узналъ, былъ нѣкто Клопскій, чело-вѣкъ довольно извѣстный въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ и даже попавшій въ герои нашумѣвшей тогда повѣсти Каронина «Учитель жизни». Это былъ высокій, худой чело-вѣкъ въ длинныхъ сапогахъ и въ блузѣ, съ узкимъ сѣрымъ ликомъ и бирюзовыми глазами, хитрый нахаль и плутъ, неутомимый болтунъ, вѣчно всѣхъ поучавшій, наставлявшій, любившій ошеломять неожиданными выходками, дерзостями и вообще всей той манерой вести себя и разговаривать, которую онъ наигралъ себѣ и при помощи которой онъ довольно сытно и весело шатался изъ города въ городъ. Среди полтавскихъ толстовцевъ былъ докторъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, по происхожденію и по натурѣ большой баринъ, плоть отъ плоти нѣкоторыхъ толстовскихъ героевъ, кое въ чемъ походившій даже на Стиву Облонскаго. И вотъ, явившись въ Полтаву, Клопскій первымъ дѣломъ отправляется къ Волкенштейну и очень скоро попадаетъ черезъ него въ полтавскіе салоны, куда Волкенштейнъ привозитъ его и съ идейной цѣлью, какъ проповѣдника, и просто для забавы, какъ курьезную фигуру, и гдѣ Клопскій говоритъ, напри-мѣръ, такія вещи:

— Да, да, вижу, какъ вы тутъ живете: ждете, да конфетами закусываете, да идоламъ своимъ по церквамъ, которыя уже давно пора на воздухъ взорвать, молебны служите! И когда только вообще кончатся всѣ тѣ нелѣпости и мер-

зости, въ которыхъ тонетъ міръ? Вотъ, скажемъ, ѣхаль я сюда изъ Харькова: приходитъ человѣкъ, называемый почему-то кондукторомъ, и говоритъ: вашъ билетъ! Я его спрашиваю: а что это значитъ, какой собственно билетъ? Отвѣчаетъ: но билетъ, по которому вы ѣдете? А я ему и, думаю, довольно резонно: позвольте, я не по билету, а по рельсамъ ѣду. Значитъ, говоритъ, у васъ билета нѣту? Конечно, говорю, нѣту. — Въ такомъ случаѣ мы васъ на слѣдующей станціи высадимъ. — Прекрасно, говорю, это ваше дѣло, а мое дѣло ѣхать. На слѣдующей станціи дѣйствительно являются: пожалуйста выходите. Но зачѣмъ-же, говорю, выходить, мнѣ и тутъ хорошо. — Значитъ, вы выходить не желаете? — Разумѣется, нѣтъ. — Тогда мы васъ выведемъ. — Выведете? Но я не пойду. — Тогда вытащимъ, вынесемъ. — Что же, выносите, это ваше дѣло. — И вотъ меня, дѣйствительно, ташутъ, несутъ на рукахъ, на диво всей почтенной публикѣ, два рослыхъ бездѣльника, два мужика, которые съ гораздо большей пользой могли бы землю пахать...

Таковъ былъ этотъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитый Клопскій. Прочіе были не знамениты, но тоже хороши. Это были братья Д., сѣвшіе на землю подъ Полтавой, люди необыкновенно скучные, тупые и самомнительные, хотя съ виду весьма смиренныя, затѣмъ нѣкто Леонтьевъ, щуплый и маленькій молодой человѣкъ болѣзненной, но рѣдкой красоты, бывшій пажъ, тоже мучившій себя мужицкимъ трудомъ и тоже лгавшій и себѣ, и другимъ, что онъ очень счастливъ этимъ, затѣмъ огромный еврей, похожій на матеряго русскаго мужика, ставшій впоследствии извѣстнымъ подъ именемъ Теноромо, человѣкъ, державшійся всегда съ необыкновенной важностью и снисходительностью къ простымъ смертнымъ, нестерпимый риторъ, софистъ, занимавшійся бондарнымъ ремесломъ... Къ нему-то подъ начало и попалъ я. Онъ-то и былъ мой главный наставникъ какъ въ «ученіи», такъ и въ жизни трудами рукъ своихъ: я былъ у него подмастерьемъ, учился обручи набивать.

Для чего мнѣ нужны были эти обручи? А для того опять таки, что они какъ-то соединяли меня съ Толстымъ, давали мнѣ тайную надежду когда-нибудь увидеть его, стать ему извѣстнымъ, войти въ близость къ нему. И, къ великому моему счастью, надежда эта вскорѣ совершенно неожиданно оправдалась. Вскорѣ вся братія смотрѣла на меня уже какъ на своего, и Волкенштейнъ — это было въ самомъ концѣ девяносто третьяго года — вдругъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ сперва къ «братьямъ» въ Харьковскую губернію, къ мужикамъ изъ села Хилково, а затѣмъ въ Москву, къ Толстому.

Трудное это было путешествіе! Ъхали мы въ третьемъ классѣ, съ пересадками, все нароя попадать въ вагоны наиболѣе простонародные, ѣли «безубойное», то есть чортъ знаетъ что, хотя Волкенштейнъ иногда и не выдерживалъ, вдругъ бѣжалъ на остановкѣ къ буфету и съ страшной жадностью глоталъ одну за другой двѣ-три рюмки водки, закусывая и обжигаясь пирожками съ мясомъ, а потомъ пресерьезно говорилъ мнѣ:

— Я опять далъ волю своей похоти и очень страдаю отъ этого, но все же борюсь съ собой и все же знаю, что не пирожки владѣютъ мной, а я ими: я не рабъ ихъ, хочу — ѣмъ, хочу — не ѣмъ...

Трудно было ѣхать потому больше всего, что я сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣй попасть въ Москву, а намъ, видите-ли, непремѣнно надо было ѣхать съ плохими поѣздами, а кромѣ того пожить съ хилковскими «братьями», войти въ личное общеніе съ ними и «укрѣпить» и себя, и ихъ этимъ общеніемъ. Мы такъ и слѣлали — пожили у хилковскихъ мужиковъ, кажется, дня три или четыре, и я возненавидѣлъ за эти дни этихъ богатыхъ, благочестивыхъ, благихъ на видъ мужиковъ, ночевки въ ихъ избахъ, ихъ пироги съ начинкою изъ картофеля, ихъ псалмопѣнія, ихъ рассказы про ихъ непрестанную и лютую борьбу «съ попами и пачальниками» и буквоѣдскіе споры о Писаніи истинно всѣми силами души. Наконецъ, перваго

января мы тронулись дальше. Помню, я проснулся въ тотъ день съ такой радостью, что совсѣмъ забылся и брякнулъ: — «Съ Новымъ Годомъ, Александръ Александровичъ!» — за что и получилъ отъ Александра Александровича жесточайшую головомойку: что это значить — Новый Годъ, понимаю-ли я, какую старую бессмыслицу повторяю я? Однако, не до того мнѣ было тогда. Я слушалъ и думалъ: прекрасно, прекрасно, все это сущій вздоръ, — завтра вечеромъ мы будемъ въ Москвѣ, а послѣ завтра я увижу Толстого . . . И такъ оно и случилось.

Волкенштейнъ криво обидѣлъ меня: поѣхалъ къ Толстому сію же минуту послѣ того, какъ мы добрались до московской гостинницы, а меня съ собой не взялъ: — «Нельзя, нельзя, надо предупредить Льва Николаевича, я предупрежу, предупрежу» — и убѣжалъ. А вернулся домой очень поздно и даже ничего не рассказалъ о своемъ визитѣ, только поспѣшно кинулъ мнѣ: «Я точно живой воды напился!» — при чемъ я совершенно безошибочно опредѣлилъ по залаху отъ него, что онъ, послѣ живой воды, пилъ еще и шамбертенъ, затѣмъ, очевидно, чтобы доказать, что не онъ рабъ шамбертена, а шамбертенъ его рабъ. Хорошо было только то, что Толстого онъ все таки предупредилъ, хотя я даже и на это мало надѣялся: очень милый, но ужъ очень легкомысленный человѣкъ былъ этотъ слегка женоподобный, полнѣющій, красивый брюнетъ. Да, все-таки онъ предупредилъ — и вотъ на другой день вечеромъ я, задыхаясь, побѣжалъ, наконецъ, въ Хамовники.

Какъ рассказать все послѣдующее?

Лунный морозный вечеръ. Добѣжалъ, стою и едва перевожу дыханіе. Кругомъ глушь и тишина, пустой лунный переулокъ. Передо мной ворота, раскрытая калитка, снѣжный дворъ. Въ глубинѣ, налѣво, старый деревянный домъ, нѣкоторыя окна котораго красновато освѣщены. Еще лѣвѣе, за домомъ, большой садъ и надъ нимъ тихо играющія разноцвѣтными лучами сказочно-преlestныя зимнія звѣзды. Да и все вокругъ сказочное. Какой особый

садъ, какой необыкновенный домъ, какъ таинственны и полны значенія эти освѣщенные окна, за которыми — Онъ, Онъ! И какая тишина, что слышно, какъ колотится сердце — и отъ радости, конечно, и отъ страшной мысли: а не лучше ли поглядѣть на этотъ домъ и убѣжать назадъ? Отчаянно кидаюсь наконецъ во дворъ, на крыльцо дома и звоню. Тотчасъ же отворяютъ — и я вижу лакея во фракѣ и свѣтлую прихожую, теплую, уютную, со множествомъ шубъ на вѣшалкахъ, среди которыхъ рѣзко выдѣляется старый полушубокъ. Прямо передо мной крутая лѣстница, крытая краснымъ сукномъ. Правѣе, подъ нею, запертая дверь, за которой слышны гитары и веселые молодые голоса, удивительно беззаботные къ тому, что они раздаются въ такомъ особенномъ домѣ.

— Какъ прикажете доложить?

— Бунинъ.

— Какъ-съ?

— Бунинъ.

— Слушаю-съ.

И лакей убѣгаетъ наверхъ и, къ моему удивленію, тотчасъ-же вирипрыжку, бочкомъ, перехватывая рукой по периламъ, сбѣгаетъ назадъ:

— Пожалуйте обождать наверхъ, въ залу...

А въ залѣ я удивляюсь еще больше: едва я вхожу, какъ въ глубинѣ его, налѣво, тотчасъ-же, не заставляя меня ждать, открывается маленькая дверка и изъ-за нея быстро, съ неуклюжей ловкостью выдергиваетъ ноги, выныриваетъ, — ибо за этой дверкой было двѣ-три ступеньки въ коридоръ, — большой, сѣдобородый, слегка кривоногий старикъ въ широкой, по домашнему сшитой блузѣ изъ сѣрой бумазеи, въ такихъ же штанахъ, больше похожихъ на шаровары, и въ тупоносыхъ башмакахъ. Быстрый, легкій, страшный, остроглазый, съ насупленными бровями. И быстро идетъ прямо на меня, — межъ тѣмъ какъ я все-таки успѣваю замѣтить, что въ его походкѣ, вообще во всей посадкѣ есть большое сходство съ моимъ отцомъ, — бы-

стро (и немного присѣдая) подходитъ ко мнѣ, протягиваетъ, вѣрнѣе, ладонью вверхъ бросаетъ большую руку, забираетъ въ нее всю мою, мягко жметъ и неожиданно улыбается очаровательнѣйшей улыбкой, ласковой и какой-то вмѣстѣ съ тѣмъ горестной, даже какъ-бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькіе глаза вовсе не страшные и не острые, а только по звѣриному зоркіе, хотя и въ нихъ есть что-то жалостное и горестное. Легкіе и жидкіе остатки сѣрыхъ на концахъ слегка завивающихся волосъ по крестьянски раздѣлены на прямой проборъ, большія уши сидятъ необычно высоко, бугры бровныхъ дугъ надвинуты на глаза, борода, сухая, легкая, неровная, сквозная, позволяетъ видѣть немного выступающую нижнюю челюсть...

— Бунинъ? Это съ вашимъ батюшкой я встрѣчался въ Крыму? Вы вѣдь родственники Гротамъ? Вы что-же, надолго въ Москву? Зачѣмъ? Ко мнѣ? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никакъ не можетъ быть цѣлью жизни... Садитесь пожалуйста и расскажите мнѣ о себѣ...

Онъ и заговорилъ такъ же поспѣшно, какъ вошелъ, мгновенно сдѣлавъ, по свѣтской привычкѣ, видъ, будто не замѣтилъ моей полной потерянности, и торопясь вывести меня изъ нея, отвелъ отъ нея меня. Что онъ еще говорилъ? Все спрашивалъ, — онъ это очень любилъ, какъ я узналъ впоследствии.

— Холосты? Женаты? Съ женщиной можно жить только какъ съ женой и не оставлять ее никогда... Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не дѣлайте себѣ мундира изъ нея, во всякой жизни можно быть хорошимъ человѣкомъ...

Мы сидѣли возлѣ маленькаго столика. Довольно высокая старинная фаянсовая лампа мягко горѣла подъ розовымъ абажуромъ. Лицо его было за лампой, въ легкой тѣни, я видѣлъ только очень мягкую сѣрую матерію его блузы да его крупную руку, къ которой мнѣ хотѣлось при-

часть съ восторженной, истинно сыновней нѣжностью, да слышалъ его старческій слегка альтовый голосъ съ характернымъ звукомъ выдающейся челюсти... Вдругъ зашуршалъ шелкъ, я взглянулъ, вздрогнулъ, поднялся: — изъ гостиной плавно шла крупная и нарядная, сіяющая наряднымъ чернымъ платьемъ, чудесно убранными волосами и живыми, сплошь темными глазами дама:

— Лѣов, — ласково, но твердо сказала она, — ты за-былъ, что тебя ждутъ...

И онъ тоже поднялся и съ извиняющейся, даже какъ бы чуть виноватой улыбкой, съ поднятыми бровями, глядя мнѣ прямо въ лицо своими маленькими глазами, въ которыхъ все была какая-то темная грусть, опять забрала мою руку въ свою:

— Ну, до свиданія, до свиданія, дай вамъ Богъ, приходите ко мнѣ, когда опять будете въ Москвѣ... Не ждите многого отъ жизни, лучшаго времени, чѣмъ теперь, у васъ не будетъ... Счастья въ жизни нѣтъ, есть только зарницы его, — цѣните ихъ, живите ими...

И я ушелъ, убѣжалъ, совершенно внѣ себя, и провелъ вполне сумасшедшую ночь, непрерывно видѣлъ его во снѣ съ такой разительной яркостью и въ такой дикой путаницѣ, что и теперь вспомнить жутко, захватывалъ себя, просыпаясь, на томъ, что я что-то бормочу, брежу...

Возвратясь въ Полтаву, я писалъ ему и получилъ отъ него нѣсколько ласковыхъ отвѣтныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ опять далъ мнѣ понять, что не стоитъ мнѣ такъ ужъ стараться быть толстовцемъ, но я все не унимался: обручи набивать бросилъ, но сталъ торговать книжками «Посредника», незаконно, безъ должнаго разрѣшенія продавать ихъ на базарахъ, на ярмаркахъ, за что и былъ судимъ и приговоренъ сидѣть въ тюрьмѣ, — отъ которой меня спасъ, къ моему тогдашнему большому горю, царскій манифестъ, — затѣмъ завелъ книжную лавку, полтавское отдѣленіе «Посредника», и такъ запуталъ счеты, что порою примѣривался повѣситься. Въ концѣ концовъ,

я, разумѣется, лавку бросилъ, уѣхалъ въ Москву, но и тамъ все еще и довольно долго пытался увѣрить себя, что я братъ и единомышленникъ руководителей этого «Посредника» и тѣхъ, что постоянно торчали въ его помѣщеніи, наставляя другъ друга на счетъ доброй жизни. Тамъ-то я и видѣлъ еще нѣсколько разъ Толстого. Онъ туда иногда заходилъ, вѣрнѣе, забѣгалъ (ибо онъ ходилъ страшно легко и быстро) по вечерамъ и, не снимая полушубка, сидѣлъ часъ, полчаса, со всѣхъ сторонъ окруженный братіей, серьезно дѣлавшей ему порою такіе вопросы: «Левъ Николаевичъ, но что-же я долженъ былъ бы сдѣлать, если бы на меня напалъ, напримѣръ, тигръ?» — Онъ въ такихъ случаяхъ только смущенно улыбался и говорилъ:

— Да какой-же тигръ, откуда тигръ? Я вотъ за всю жизнь не встрѣтилъ ни одного тигра...

Вспоминаю еще, какъ я однажды сказалъ ему, желая сказать пріятное и даже слегка подольститься:

— Вотъ всюду возникаютъ теперь эти общества трезвости...

Онъ, нахмуриваясь, перебилъ:

— Какія общества?

— Общества трезвости...

— То есть это когда собираются, чтобы водки не пить? — спросилъ онъ. — Вздоръ, вздоръ. Чтобы не пить, не зачѣмъ собираться. А ужъ если собираться, то надо пить. Все вздоръ, ложь, подмѣна дѣйствія видимостью его...

А на дому я былъ у него еще только одинъ разъ. Меня провели черезъ залу, гдѣ я когда-то впервые сидѣлъ съ нимъ возлѣ милой розовой лампы, потомъ въ эту маленькую дверку, по ступенькамъ за ней и по узкому коридору, и я робко стукнулъ въ дверь направо.

— Войдите, — отвѣтилъ старческій альтиновый голосъ.

И я вошелъ и увидалъ низкую небольшую комнату, тонувшую въ сумракъ отъ желѣзнаго щитка надъ стариннымъ подсвѣчникомъ въ двѣ свѣчи, кожаный диванъ воз-

дѣ стола, на которомъ стоялъ этотъ подсвѣчникъ, а потомъ и его самого, съ книжкой въ рукахъ. При моемъ входѣ онъ быстро поднялся и неловко, даже, какъ показалось мнѣ, смущенно бросилъ ее въ уголъ дивана. Но глаза у меня были зоркіе, и я увидѣлъ, что читалъ онъ, то есть, перечитывалъ (и, вѣрно, уже въ десятый разъ, какъ дѣлаемъ это и мы, грѣшные) свое собственное произведеніе, только что напечатанное тогда — «Хозяинъ и работникъ». Я, отъ восхищенія передъ этой вещью, имѣлъ безтактность издать восторженное восклицаніе. А онъ покраснѣлъ до корней волосъ, замахалъ руками:

— Ахъ, не говорите! Ахъ, что вы, что вы! Это ужасъ, это такъ ничтожно, что мнѣ по улицамъ ходить стыдно!

Лицо у него было въ этотъ вечеръ худое, темное, строгое, точно изъ бронзы литое. Онъ очень страдалъ въ тѣ дни, — не задолго передъ тѣмъ умеръ его послѣдышъ, семилѣтній Ваня. И послѣ «Хозяина и работника» онъ тотчасъ же энергично заговорилъ о немъ:

— Да, да, милый, прелестный мальчикъ былъ. Но что это значитъ — умеръ? Смерти нѣтъ, онъ не умеръ, развѣ мы любимъ его, живемъ имъ!

Вскорѣ мы вышли и пошли въ «Посредникъ». Была черная мартовская ночь, дулъ весенній вѣтеръ, раздувая огни фонарей. Мы бѣжали наискосокъ по снѣжному, бѣлому Дѣвичьему Полю, онъ прыгалъ черезъ канавы, такъ что я едва поспѣвалъ за нимъ, и опять говорилъ, — отрывисто, строго, рѣзко:

— Смерти нѣту, смерти нѣту!

Смерти нѣтъ... Увы, все таки въ тѣ страшные дни, когда онъ скончался въ Астаповѣ, я плакалъ о немъ такъ отчаянно, какъ плакалъ всего два-три раза въ жизни. Все вспоминалось мнѣ, какъ видѣлъ я его въ послѣдній разъ. Въ страшно морозный вечеръ, среди огней за сверкающими, обледенѣлыми окнами магазиновъ, я шелъ по Арбату — и неожиданно столкнулся съ нимъ, бѣгущимъ своей пружинной, подпрыгивающей походкой прямо навстрѣчу

мнѣ. Я оставился и сдернулъ шапку. Онъ тоже приостановился и сразу узналъ меня:

— Ахъ, это вы! Здравствуйте, здравствуйте, надѣвайте, пожалуйста, надѣвайте шапку... Ну, какъ и что, гдѣ вы и что съ вами?

Старческое лицо его такъ застыло, посинѣло, что имѣло совсѣмъ несчастный видъ. Что-то вязаное изъ голубой песцовой шерсти, что было на его головѣ, было похоже на старушечій шлыкъ. Большая рука, которую онъ вынулъ изъ песцовой перчатки, была совершенно ледяная. И онъ, поговоривъ, крѣпко и нѣжно, нѣсколько разъ пожалъ ею мою, опять глядя мнѣ въ глаза горестно, съ поднятымъ бровями:

— Ну, Христось съ вами, Христось съ вами, до свиданія...

Ив. Бунинъ.

Парижъ, 1927 г.